

ПРЕСТУПНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922—1930 гг. ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ

Наталья Алексеевна ШАБЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук, доцент Владивостокского филиала
Юридического института МВД России

Формирование преступного мира на Дальнем Востоке в 20-е годы. находилось в прямой зависимости от экономического и политического состояния региона. Сказались особенности дореволюционного развития его и пятилетний период «оторванности» от Центральной России, ввиду вынужденного существования Дальневосточной республики. Для экономики Дальневосточного края было характерно приоритетное развитие добывающих отраслей промышленности и определяющего сектора народного хозяйства — аграрного. В годы гражданской войны и иностранной интервенции народному хозяйству Дальнего Востока был нанесен колоссальный ущерб. Убытки от интервенции и войны составили 603 407 009 руб. 83 коп. золотом¹.

В результате военных действий часть промышленных предприятий оказалась разрушенной. На многих из них не только не устанавливались новые машины и механизмы, не производился ремонт технического оборудования,

но, напротив, оборудование вывезено за границу. Большой урон был нанесен железнодорожному и водному транспорту. В полный упадок пришло портовое хозяйство Владивостока — крупнейшего порта, центра морских сообщений Дальнего Востока, обеспечивавшего пароходными рейсами побережье от Охотска до устья Лены.

С введением в промышленности Дальнего Востока в 1921 г. золотовалютного обращения, совпавшего с переходом страны к нэпу, наблюдалось некоторое оживление главным образом мелкого и частного производства. Крупное промышленное производство зависело от постоянных казенных заказов, и в период интервенции при отсутствии оборотных средств, с потерей заказов, субсидий и авансов было свернуто значительное количество предприятий. Так, в Амурской области в 1922 г. вырабатывалось только 27 % продукции довоенного ее объема. Число промышленных предприятий в Приморье снизилось на 17,3 %, а выработка продукции — на 65,6 %². В связи с этим, анализируя сложившуюся ситуацию, Дальревком обоснованно отмечал, что к ноябрю 1922 г. общее положение в добывающей промышленности можно охарактеризовать одним словом — «мертво»³.

В не менее тяжелом положении находилась золотопромышленность, традиционно занимавшая ведущее место в экономическом развитии региона. В докладе комиссии по обследованию приисков Амгуно-Кербинского района в октябре 1922 г. было обращено внимание на то, что ценное оборудование брошено, «под открытым небом валялись экскаваторы, паровозы, машинная арматура», и все это заносилось песком и зарастало землей⁴. Золотодобывающие предприятия не получили дотации и полную поддержку от государства из-за отсутствия средств. В связи с этим в начале 20-х годов продолжалось сокращение ежегодной добычи золота. Если в довоенное время ежегодная добыча золота составляла 1500 пудов, то к началу 1924 г. — 457 пудов⁵.

Ухудшение ситуации с добычей золота усугублялось обострением на приисках социальных процессов, связанных с особенностями жизни в приисковых районах. Районы золотых приисков, как правило, плохо обеспечивались продуктами питания и предметами первой необходимости. С закрытием навигации на Амуре прекращались поставки продовольствия на прииски. Спекулянты и контрабандисты, используя отсутствие продовольствия, увеличивали цену за пуд муки до трех золотников шлихового золота⁶. Кроме того, приисковая администрация в целях экономии средств предпочитала нанимать иностранных рабочих, преимущественно китайцев, чем создавалась дополнительная социальная и криминогенная напряженность.

Результатом кризисного состояния экономики стали упадок городского хозяйства, сокращение населения в отдельных городах Дальнего Востока и появление значительного количества безработных. В Приморье количество безработных к концу 1924 г. составляло 21044 чел., при наличии 38 тыс. занятых в производстве. В Хабаровске весной этого же года насчитывалось свыше 4,5 тыс. безработных, а в Амурской губернии их число с 1720 в ноябре 1922 г. увеличилось до 58000 к весне 1923 г.⁷.

Кризис финансовой системы, вызванный трудностями экономического развития, привел к обесцениванию действовавших денежных знаков и внедрению в обращение китайской валюты. Недостаток промышленных товаров и предметов первой необходимости, а также слабая охрана границ привели к развитию контрабанды. Положение осложнялось господством иностранного капитала в финансовой области, так как за годы интервенции иностранный капитал подчинил себе более половины (57,9 %) промышленных предприятий. На почве неблагоприятных тенденций в экономике широкое развитие получила спеку-

ляция, ее росту способствовало преобладание в торговле частного капитала, доля которого в 1924 г. составляла более 60 % всего внутреннего оборота⁸.

В сельском хозяйстве Дальнего Востока кризисные явления так же, как и в промышленности, назревали постепенно. На протяжении длительного периода практиковалось одностороннее развитие культуры зерновых злаков (овес, пшеница). Посевные площади не чередовались, посевной фонд не возобновлялся. Так, если 1920 г. был благополучным по урожайности, то следующий 1921 г. оказался неурожайным для всех районов Дальнего Востока. Много хлеба погибло от наводнения, засухи и пожаров, часть — продана в Китай.

Трудности сельскохозяйственного производства повлекли за собой сокращение поставок продовольствия в город, что привело к уменьшению до минимума пайка рабочим. Вынужденные искать средства к существованию рабочие уезжали из города в деревню, некоторые стали заниматься спекуляцией и контрабандой.

Таким образом, кризисное состояние экономики Дальнего Востока, вызванное последствиями первой мировой, гражданской войн и иностранной интервенции, безработица и тяжелое положение основной массы населения способствовали росту преступности в регионе.

В дореволюционный период здесь преобладали опасные виды преступлений, совершаемые преступниками-рецидивистами: налеты, похищения людей с целью выкупа и др. В начале 20-х годов, в период нэпа, преступления совершались различными социальными категориями граждан: рабочими, служащими, военными, крестьянами. Категория профессиональных преступников пополнилась безработными и беспризорными. По данным за 1923—1924 гг., приведенным в статистическом ежегоднике, большинство преступников на Дальнем Востоке были неграмотными, среднее и высшее образование имели всего 5,6 %, их средний возраст составлял 33,9 лет⁹.

Массовая преступность в Приамурье и Приморье совершалась хунхузами, бандитствующими элементами, а в Восточном Забайкалье — остатками семеновских и унгерновских банд¹⁰. Слабая заселенность огромного Дальневосточного края в отличие от Европейской России влияла на местоположение преступных сообществ. Они базировались только в крупных городах, таких, как Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск и Благовещенск. Геополитическое положение Дальнего Востока, особенно Южно-Уссурийского края (часть современного Приморского края), граничившего с Китаем и Кореей, имевшего связи с Японией и Америкой, наложило отпечаток как на характер преступности, так и на конкретные формы ее проявления (бандитизм, контрабанда и др.). Эта тенденция продолжает иметь место и в современный период¹¹.

В соответствии с уголовным законодательством 20-х годов виды преступлений подразделялись на следующие группы¹²:

1) государственные преступления: вооруженные восстания, организация контрреволюционных групп, контрреволюционная агитация и пропаганда и другие;

2) преступления против порядка управления: массовые беспорядки, бандитизм, сопротивление власти и неисполнение ее законных требований, таможенные преступления, самоуправство, приобретение и сбыт спиртных напитков, наркотиков, нарушение правил о производстве, промыслах и торговле и другие;

3) преступления против личности: убийства, изнасилования, оскорбления, клевета, ложный донос, телесные повреждения, побои;

4) имущественные преступления: кражи, разбой, грабежи и скупка краденого, мошенничество, растрата, подлог;

5) служебные преступления: подлог, взятка, злоупотребление служебным положением и др.;

6) воинские преступления.

По данным Дальневосточного краевого статистического управления, на 1926 г. первое место по численности в составе преступности Дальнего Востока занимала группа преступлений против порядка управления — 3191, второе — против личности — 1006, третье — имущественные преступления — 909, четвертое — служебные — 283 и последнее — воинские и государственные преступления — 4¹³.

По сравнению с другими регионами страны преступность на Дальнем Востоке отличалась быстрыми темпами роста и более высокой интенсивностью. Так, например, в 1924 г. в Забайкалье одно преступление приходилось на 69 чел. населения, на Амуре — на 50, в Приморье — на 37 чел. На тот же период в Воронежской губернии одно преступление — на 228 жителей, в Вятской — на 135, в Иркутской — на 85, в Северо-Кавказской области — на 96. По этим данным, самая высокая интенсивность преступлений наблюдалась на Амуре и в Приморье¹⁴.

Преступный мир Дальнего Востока в целом совпадал с классификацией профессиональной преступности, принятой в уголовно-правовой практике России. В аппаратах дальневосточного уголовного розыска состояли на учете профессионалы практически всех категорий: *взломщики* («местные громилы»), *разрыватели могил* («могильщики»), «городушники», «хипесники и хипесницы», «монтеры», «подкидники», «поджигатели», «половые психопаты», «коты» и «альфонсы», сутенеры, торговцы «живым товаром», международные карманные воры, воры «гастролеры» («мавихеры») и пр.¹⁵

Особенности регионального развития приводили к распространению тех видов преступлений, которые были не характерны для других регионов. Так, только на Дальнем Востоке существовали такие **разновидности убийств**, как *охота на «горбачей», «белых лебедей», «фазанов»*. «Горбачами» в обиходе называли золотоискателей-одиночек, наживших себе горб на трудной добыче золота. «Белым лебедем» — корейца, одевавшегося летом в белую одежду и занимавшегося тайной разработкой золота в тайге, в местах одному ему известных. «Фазаном» и «ходей» презрительно называли китайцев.

В Дальневосточном крае получили распространение такие виды преступлений, как **бандитизм, хунхузничество, контрабанда, конокрадство, пьянство, наркомания и проституция**. Причем правонарушения отличались выраженной взаимосвязью различных видов преступлений. Так, развитие контрабанды способствовало распространению бандитизма и хунхузничества. Почти все конокрады принимали участие в контрабанде. В свою очередь, контрабанда спиртных напитков и наркотиков (опия) способствовала распространению среди населения наркомании и пьянства, получили развитие притонсодержательство и проституция.

Длительное время Дальний Восток был наиболее опасным регионом страны по **бандитизму**, представлявшим собой хроническое явление еще с царских времен. Наибольшее распространение бандитизм получил после революционных событий и в период окончания гражданской войны и интервенции.

По месту дислокации бандитизм в регионе подразделялся на внешний (зарубежный) и внутренний. По целям, задачам и методам деятельности он был политическим (белобандитизм) и уголовным. Советским законодательством на основании объективных признаков белогвардейские формирования квалифицировались как банды. Вместе с тем те группировки белых, которые преследовали политические антисоветские цели, рассматривались как антисоветские организации. Ответственность участников и организаторов таких фор-

мирований наступала по статьям уголовного кодекса, предусматривавшим ответственность за особо опасные государственные преступления.

Нередко группы имели смешанный уголовно-политический характер и грань между этими видами бандитизма была подвижна и условна. В регионе преобладал внешний бандитизм, поэтому большинство банд были кочующими и имели свою оперативную базу за границей, где скрывались в случаях неудачи и куда уходили с наступлением зимы. Внешний бандитизм был тесно связан с имущественным состоянием белобеженцев в Китае и тех остатков белых армий, которые после их разгрома осели в Китае. С местными немногочисленными бандами борьба не представляла особых затруднений для уголовного розыска и милиции.

В приисковых районах (приисковый бандитизм) банды разделялись на два вида: профессиональные и случайные, образовавшиеся из местного населения, и неудачников-золотоискателей, которые вступали в банды нередко для того, чтобы путем совершения нескольких грабежей приобрести средства на жизнь. Таким же образом формировались банды в низовьях Амура, куда ежегодно устремлялись на рыбные промыслы тысячи людей. Наибольшее их количество было в Приамурье, главным образом на территории современной Амурской области и Приморья. В Забайкалье бандитизм был развит меньше, преимущественно на территории Сретенского и Нерчинского уездов, так как Сретенский уезд граничил с Амурской губернией, куда часто заходили банды.

На учете Приморского уголовного розыска в 1923 г. числились банды не установленного командования за №№ 34, 35, 36, 37, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, а также те, что возглавляли Кузнецов, Урюпин, Плотников, Назаров, Овечкин, Савельев. Особую активность проявляли банды в районах: Шкотовском — Третьякова, Сучанском — Баранова, Посъетском — Хан-Ше-Гвони, Покровском — Тетерятникова, Суйфунском — банда Дудко, Гродековском — банда Гордеева, Яковлевском, Шмаковском и Черниговском — банды с неустановленными главарями¹⁶.

В 1924 г. в Приморье действовало 19 активных банд, а в период с 1 августа по 1 сентября 1925 г. было отмечено до 30 банд численностью от 6 до 200 чел. В Амурской губернии с января этого же года находилось 10 банд уголовного и «уголовно-политического» характера. В последующие годы уровень политического бандитизма в Дальневосточном крае снизился, но в 1929 г. в связи с событиями на КВЖД снова поднялся. В этом году на территории Дальнего Востока было зарегистрировано 77 банд общей численностью 5747 чел.¹⁷

В качестве особого вида бандитизма правоохранными органами рассматривалось **хунхузничество**. Этот специфический вид преступности, свойственный только Дальневосточному региону, был опасен, когда принимал облик организованной силы в виде отряда с воинской дисциплиной и вооружением. Хунхуз — в дословном переводе означает «красные усы, борода». Лица, занимавшиеся разбоем в Китае, для большего устрашения населения красили усы и бороду в красный цвет.

Хунхузы появились в Уссурийском крае задолго до заключения Пекинского договора. На о-ве Аскольд, расположенном недалеко от Владивостока, несколько сот хунхузов хищническим путем добывали золото. В самом Владивостоке их не было, но из-за близости границы с Китаем они ежегодно посещали русские поселки. Хунхузничество в силу климатических условий уменьшалось зимой и усиливалось летом, в связи со сбором опийного мака, являвшегося для них важнейшим источником существования.

Вначале хунхузы редко прибегали к убийствам. Обычно они забирали зажиточных людей в плен и требовали выкуп или облагали данью население или предприятие, и только в случае невыполнения их требований жестоко

убивали заложников, производили налеты на непокорное селение, убивая жителей и сжигая дома. В некоторых местах население, будучи не в силах бороться с хунхузами, было вынуждено платить им дань. Люди, боясь репрессий со стороны хунхузов, никогда не давали о них сведений, что затрудняло борьбу с ними. В целом численность хунхузов достигала десятков тысяч человек. Так, у китайско-русской границы Хунчунь-Пограничная, протяженностью в 200 км, в 1920—1922 гг. постоянно находились более 11000 хунхузов, действовавших на обеих территориях. На русской территории Дальнего Востока хунхузничество в основном было развито на Амуре и в Приморье. Например, в Сучане (Приморской губернии) в 1923 г. находилась банда хунхузов, численность которой достигала 1500 чел. В Забайкалье оно было редким явлением и если проявлялось, то в смежных с Амурской областью (губернией) уездах¹⁸.

Деятельность банд хунхузов носила преимущественно уголовный характер. Были случаи, когда банды убивали должностных лиц, брали в плен и расстреливали людей, грабили сельские комитеты и сельсоветы. Но даже в тех случаях, когда в главе хунхузских банд стояли белые эмигранты, совершение террористических актов против представителей власти было лишь попутным проявлением их деятельности, основная же — грабеж и разбой. Хунхузничество так же, как и бандитизм, можно условно разделить на внешнее, когда производились грабежи в результате перехода с территории Китая, и внутреннее, формировавшееся в пределах русской части Дальнего Востока. Внутреннее хунхузничество действовало, как правило, в периоды непосредственного сбора опиума, женьшеня и окончания сезона на золотых приисках.

Сложное социально-экономическое положение и особые геополитические условия региона (большая протяженность сухопутной и морской границ, близость Китая) создавали благоприятные условия не только для длительного существования бандитизма и хунхузничества, но и для значительного развития **контрабанды**. Контрабандой признавалось, во-первых, перемещение (провоз или перенос) какого-либо имущества (товаров, продуктов, предметов и т.п.) через государственную пограничную черту с сокрытием от таможенного контроля, во-вторых, хранение, перемещение и продажа в пределах 21-верстной полосы всех товаров и предметов, в том числе и для личного употребления, а за пределами этой полосы — если контрабандные товары предназначались для продажи¹⁹.

По данным Дальневосточного таможенного управления, в дореволюционное время оборот контрабанды не превышал 2—3 млн. руб., в 1923—1924 гг. он составлял 11 млн. 810 тыс., в 1927 г. вырос до 32,9 млн. руб. Столь интенсивный рост контрабанды в 20-х годах был вызван воздействием ряда факторов²⁰:

1) закрытие границ, введение монополии внешней торговли при слабом развитии местной промышленности поставили Дальневосточный регион в полную зависимость от поставок союзной промышленной продукции. В результате степень удовлетворения потребительского спроса резко снизилась: в 1913 г. в регион ввозилось промышленной продукции на сумму 125 млн. руб., а в 1923—1924 гг. — около 35 млн. руб.;

2) недостаток кадров и слабая охрана пограничными и таможенными органами границ ввиду их большой протяженности способствовали беспрепятственному проникновению контрабандных товаров на территорию региона. По официальным данным, задерживалось 10 % контрабанды;

3) близость Китая и прозрачность границ способствовали притоку дешевых и достаточно качественных товаров на русскую территорию. Разница цен на рынках Маньчжурии и русского Дальнего Востока составляла от 50 до 300 %. Вдоль границы возникали целые города (Санчаоу), которые занимались исключительно производством контрабандных товаров, их транспортировкой на соседнюю территорию;

4) государственная и кооперативная торговля были неспособны выдержать конкуренцию с дешевыми китайскими товарами из-за высоких наценок (от 11 до 30 %) на ввозимую из европейского центра промышленную продукцию;

5) низкая покупательная способность населения обуславливала массовое распространение контрабанды, особенно в приграничных районах. Население воспринимало занятие контрабандой как способ выживания в сложных социально-экономических условиях. Среди нелегально ввозимых товаров макуфактура составляла 34 %, табак — 7 %, спирт — 8,8 %. Контрабандой занимались различные слои населения. Наиболее широко контрабанда была распространена во Владивостокском и Благовещенском районах.

На Дальнем Востоке имели место все **виды контрабанды**: *экономическая, политическая и военная*. Контрабанда подрывала основы разрушенной в годы войны и интервенции экономики Дальневосточного края. В сфере торговли она разрушала экономические связи между городом и деревней, обеспечивала создание благоприятной почвы для удержания позиций частного сектора в торговле и значительную утечку за границу реальных ценностей в виде золота и пушнины²¹. За границу уходило до 90 % добывавшегося на приисках золота и 85 % пушнины. Угнанные лошади переправлялись в Китай. Занятие контрабандой прочно вошло в жизнь дальневосточного населения и приобрело массовый характер²².

Контрабандный товарооборот лишал государство средств, получаемых в виде пошлин акцизных сборов. Значительные средства государство недополучало от налагаемых на задержанных контрабандистов штрафных сумм, из-за неразработанности порядка их содержания и системы взимания средств: при первой возможности, не имея денег уплатить штраф, многие из них скрывались²³. Данные Дальревкома свидетельствовали о том, что «...86 % городского и сельского населения были втянуты в контрабанду условиями экономической жизни»²⁴.

В дальневосточном регионе эта деятельность принимала различные формы: продажа населения товаров коммивояжерами, скупка золота у приискового населения в обмен на потребительские товары, изготовление промышленных изделий из контрабандных товаров. Население приграничных районов прибегало к различным ухищрениям: подделывали таможенные пломбы, пересылали в почтовых конвертах контрабандные товары, пронесли на себе несколько пар одежды, использовали несовершеннолетних детей при переправке товаров через границу.

Основными местами сбыта контрабанды являлись прибрежные села, а также золотодобывающие прииски и хлебные районы Дальнего Востока. Например, с ледоставом в северные районы Амурской губернии, где была расположена основная часть золотодобывающих приисков, в начале 20-х годов контрабанда ввозилась транспортом до 100 подвод в сопровождении охраны, зачастую вооруженной пулеметами²⁵.

Контрабандисты в обмен на золото, которое имелось у старателей, арендаторов и хозяев приисков, реализовывали доставленные на прииски продукты, имущество, спирт. Из хлебных районов Приамурья они на тех же подводах увозили в Китай хлеб, который обменивали там на контрабандные товары. В частности, на заседании партийной ячейки Амурской губернской рабоче-крестьянской инспекции в декабре 1922 г. отмечалось, что двое работников РКИ видели, как из Сахалина вывозили более 50 подвод с пшеницей²⁶.

Наиболее распространенной, приносившей большие доходы была *контрабанда спирта и спиртосодержащих веществ*. Проведенные в 1921 г. правительством ДВР меры по запрещению торговли спиртными напитками и винокурения привели к резкому усилению контрабандной торговли дешевым

маньчжурским спиртом. В 1922/1923 хоз. году население Дальнего Востока численностью в 1800000 чел. потребило 1200000 ведер контрабандного и 300000 ведер спирта отечественного производства²⁷.

Необходимость борьбы с контрабандой алкоголя явилась основной причиной того, что продажа спиртных напитков на Дальнем Востоке была разрешена уже в 1922 г., за три года до разрешения ее на остальной территории страны. Эта же причина привела к установлению в Дальневосточном крае государственной винной монополии несколько иного порядка. Здесь был установлен пониженный акциз, а именно 15 коп. на градус, вместо 30 коп. в целом по стране. Была разрешена продажа населению спиртных напитков свыше 40°. Практиковалась дифференцированная шкала продаж цен в регионах Дальнего Востока, тем самым делалась попытка, в зависимости от наплыва контрабандных спиртных напитков, сбить цены.

Незаконное производство спиртных напитков, или тайное винокурение, не получило на Дальнем Востоке в 20-е годы широкого распространения. Этому препятствовало сравнительно быстрое восстановление местного спиртового хозяйства, осторожное применительно к региональным особенностям проведение государственной винной монополии. Кроме того, количество ввозимого контрабандным путем спирта и спиртосодержащих веществ делало тайное винокурение невыгодным. Тем не менее в середине 20-х годов незаконное производство спиртного имело место в Забайкальской и Амурской губерниях, причем исключительно в районах сельской местности, отдаленных от границы, куда не доходили ни контрабандный спирт, ни русская водка из магазинов государственной винной торговли. Поэтому здесь было развито так называемое *шинкарничество*, т. е. тайная продажа спиртных напитков гражданам (без официального разрешения на торговлю спиртным).

Таким образом, принятые в начале 20-х годов меры по пресечению контрабанды спирта, усиление правовых санкций на тайное винокурение и борьба с пьянством привели к ограничению их распространения, но в целом проблемы не решили. Так, с 1 января 1923 г. по 1 июля 1924 г. по нарушению обязательных постановлений местных властей в Приморской губернии всего было зарегистрировано 12 291 преступление, из которых опиекурение составляло 2 432, пьянство — 3 977, азартные игры — 296, прочие нарушения — 5 696²⁸.

Не менее опасным и распространенным преступлением было **конокрадство**, тесно связанное с контрабандой и бандитизмом. В 20-е годы на Дальнем Востоке, как и во всей стране, самым распространенным средством передвижения, а в сельской местности единственным — были лошади. Лошадь являлась основной тягловой силой на сельскохозяйственных работах, так как первые трактора здесь появились лишь в середине 20-х годов. Хищение лошадей, которое особенно в зимний период приобретало значительные размеры, было трагедией для каждой крестьянской семьи. Например, в Приамурье похищались в отдельные месяцы до 300 и более лошадей. Население оказывало конокрадам энергичное сопротивление, бывали случаи над ними самосудов. Хищением лошадей занимались хорошо вооруженные группы преступников как из числа русских, так и китайцев, проживавших на русской территории либо прибывших из Китая, значительные размеры хищения объяснялись близостью государственной границы, с одной стороны, с другой — отсутствием ее достаточной охраны, что позволяло конокрадам почти беспрепятственно перегонять лошадей за границу и сбывать за бесценок или обменивать на спирт и другие контрабандные товары. Конокрады и контрабандисты втягивали в преступные группы беспризорных детей, заставляли их угонять лошадей, помогать реализовывать контрабандные товары (чай, сахар, сигареты и пр.)²⁹.

Конокрадство превышало остальные виды тяжких преступлений, оно носило не только частный, но и политический характер, так как большинство похищенных лошадей перегоняли в пределы Северного Китая, где ими комплектовали китайские воинские кавалерийские части. Например, только из одного Читинского округа уводили до 1 000 лошадей. Кроме того, шайками хунхузов исключительно с целью грабежа и угона лошадей на территории Амурской губернии за период с ноября по февраль 1924/25 отчетного года было совершено 243 налета³⁰.

Распространение в дальневосточном регионе **наркобизнеса** было также тесно связано с контрабандой. Культуру мака с целью добывания опиума занесли в Приамурский край преимущественно китайцы. С середины XIX в. китайцы и корейцы вначале жили обособленно, своими небольшими общинами, локальными поселениями, но со временем они стали принимать активное участие в экономической и торговой жизни Владивостока, других торговых населенных пунктов Приморья. Они привнесли в местную жизнь элементы своего быта, культуры, традиций, а также и пороки, в число последних входило и опиекурение. Именно оно быстро распространилось среди уже ставшего многочисленным китайского, корейского, а также русского населения. Известный исследователь Максимов, оценивая ситуацию на Дальнем Востоке в конце XIX в., сложившуюся в результате распространения наркотиков, отмечал: «Кроме винокурения манзы-земледельцы занимаются разведением обширных маковых плантаций и приготовлением ужасного яда — опиума»³¹.

Легальные и тайные китайские общества производили и продавали опиум местному населению, контрабандой увозили в Китай, а также занимались экономическим шпионажем в пользу китайского правительства. На вырученные от продажи опиума деньги общества скупали золото и серебро, которое затем переправляли в распоряжение правительственных органов Китая.

Добыча женьшеня и макосеяние привлекали на территорию Дальнего Востока иностранцев, над которыми не было практически никакого контроля, из-за того, что граница почти не охранялась, а от местных властей можно было укрыться в таежной малопроезжимой местности. Макосеянием в основном занимались хунхузы, когда это стало запретным, они пробирались в глухую тайгу и разводили там плантации мака³².

Значительное количество наркотических веществ не только нелегально отправлялось за границу, но и потреблялось в пределах Дальневосточного края. Так, в государственном банке хранилось 981 кг 200 г героина, изъятого Приморским губернским отделом ОГПУ, а в пакгаузах Владивостокской таможни, в складе Дальторга содержалось 14 298 кг 58 г опиума, конфискованного у различных частных лиц и фирм³³.

Потребление опиума вначале осуществлялось в районах его производства. Постепенно опиекурение проникло в города и другие населенные пункты Дальнего Востока. Уже в начале 20-х годов дальневосточная печать била тревогу по поводу быстрого распространения курения опиума. Подчеркивалось, что опиекурение входит в быт местного населения и становится привычкой. В основном опий потреблялся корейцами и китайцами. Среди русского населения этот вид наркотизации широкого распространения не получил, но зато развился другой — морфинизм.

В городах появилось множество тайных (под различными вывесками) притонов наркомании: опиекурильни, морфинилки, орловки, банковки и прочие притоны. Владельцами таких заведений в основном были китайцы и корейцы. Во всех крупных городах имелись китайские кварталы, где шла бойкая торговля наркотиками и спиртным, процветали опиекурение и проституция самого низкого пошиба. На улицах можно было встретить ходячего «куpezу», который за

20—30 копеек где-нибудь в укромном уголке мог впрыснуть каждому желавшему дозу морфия. Притоны наркомании на Дальнем Востоке значительно превышали число других. По одному Приморью в 1925 г. их было выявлено до 100³⁴.

На IV (12) Владивостокской окружной партийной конференции, состоявшейся в январе 1929 г., высказывалась озабоченность (несмотря на борьбу с наркобизнесом) сохранением морфиниловок, опикурилен и игорных домов. Основными посетителями притонов по-прежнему были китайские рабочие. Несмотря на то, что было организовано их обучение и трудоустройство, они проводили время в притонах³⁵.

В целом мажоритария и наркобизнес являлись значительным фактором развития хунхузничества, бандитизма и прочей преступности. Наркоманами совершалось 50—80 % всех мелких краж, ими же совершались убийства и грабежи³⁶.

Распространение наркомании и спиртоношества, появление многочисленных притонов создали благоприятную почву для роста **проституции**. Наибольшее развитие она приобрела в портовых городах. Кроме общих факторов, способствовавших росту проституции (статус женщины в обществе, уровень образования, экономическая ситуация в стране и пр.), для Дальнего Востока были характерны особенности социально-демографического развития, а именно распределение численности лиц мужского и женского пола в составе населения. По данным Дальневосточного краевого статистического управления, в среднем на каждые 100 представителей мужского пола приходилось 88 женщин³⁷.

Таким образом, в нестабильные и кризисные периоды развития страны закономерным явлением становится рост преступности. На ее рост в 20-е годы значительное влияние оказали не только особенности развития региона в условиях первой мировой войны, но и последующие революционные события и иностранная интервенция, которые сопровождались тяжелым экономическим кризисом, многочисленными людскими жертвами. Росту преступности способствовали неразработанность правовых мер борьбы с преступностью, реорганизация структуры милиции и уголовного розыска и отсутствие практического опыта у правоохранительных органов по борьбе с криминогенной ситуацией.

Основными источниками формирования социальной базы преступности стали освобождение с каторги преступников разной квалификации; перевод части заключенных из тюрем Сибири на Дальний Восток; амнистии осужденных, голод и безработица; партизанское движение; дезертирство из НРА; пограничное положение с Китаем и Кореей и наплыв массы беженцев; переселенческая политика; рост рецидивной преступности вследствие слабой экономической ситуации в регионе и стране; политика государства по отношению к крестьянству. В целом источники формирования преступного мира были различными и включали в себя все социальные слои населения: рабочих, крестьян, служащих, военных и др.

Региональные особенности Дальнего Востока создавали условия для появления некоторых видов преступлений, менее развитых на остальной территории страны, а именно, бандитизма, хунхузничества, контрабанды, конокрадства, пьянства, наркомании и проституции. Особенности региона влияли на формирование характерных способов совершения преступлений и категорий преступников. Противозаконная деятельность на Дальнем Востоке отличалась взаимосвязью различных видов преступлений.

В общем, на условия формирования, характер и особенности уголовной и политической (с точки зрения советского законодательства) преступности в 20-е годы оказала влияние совокупность объективных и субъективных факторов, внутренних и внешних условий развития региона.

- ¹ История Дальнего Востока СССР: Кн. 7. Владивосток, 1977. С. 25.
- ² Советское Приморье. 1925. № 10. С. 23.
- ³ История Дальнего Востока СССР. С. 19.
- ⁴ ГАПК. Ф.П. 44. Оп. 1. Д. 459. Л. 82.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 240. Л. 86.
- ⁶ Экономическая жизнь Дальнего Востока. Чита, 1922. № 3—4. С. 100.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 37. Л. 95.
- ⁸ Берляков А.А., Шеронов В.С. Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917 — 1926 гг.). Хабаровск, 1985. С. 69.
- ⁹ Стат. ежегодник 1923—1925 гг. Хабаровск, 1926. С. 108—112.
- ¹⁰ ГАРФ.Ф. 393. Оп. 66. Д. 139. Л. 165.
- ¹¹ Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: Учеб. пособие. Владивосток, 1998. С. 177.
- ¹² РГИА ДВ. Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 1475. Л. 31.
- ¹³ Стат. бюл.: Дальневост. краевое стат. управление. Хабаровск, 1927. № 8-9. С. 32.
- ¹⁴ Стат. бюл.: Дальневост. краевое стат. управление. Хабаровск, 1925. № 14—15. С. 10.
- ¹⁵ Красный милиционер Приморья: Орган управления Приморской губернской милиции. 1925. С. 13.
- ¹⁶ ГАПК. Ф.П. 61. Оп. 1. Д. 313. Л. 48—51.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 65. Д. 3. Л. 78.
- ¹⁸ Там же. Оп. 66. Д. 39. Л. 203.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. Р. 2422. Оп. 1. Д. 1436. Л. 33.
- ²⁰ Лаврик Л.А. Контрабанда как фактор социально-экономической и политической жизни Дальнего Востока в 20-е гг. // Таможенная служба Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. С. 9—10.
- ²¹ ГААО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
- ²² Сонин В.В. Таможенная служба и борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России (1917—1918 гг.) // Таможенная служба Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. С. 12.
- ²³ Амур. правда. 1924. 29 окт.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф.Р. 2422. Оп. 1. Д. 566. Л. 116.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 46. Д. 314, Л. 438.
- ²⁶ ГААО. Ф.П. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 7.
- ²⁷ Амур. правда. 1923. 7 дек.
- ²⁸ ГАПК. Ф. 1119. Оп. 1. Д. 1119. Л. 57.
- ²⁹ Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917—1925 гг.): Учеб. пособие. Хабаровск, 1989. С. 75, 81.
- ³⁰ Стенографический отчет 3-го Пленума Далькрайисполкома первого созыва 18—20 сент. 1926 г. Хабаровск, 1926. С. 15.
- ³¹ Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты: Учеб. пособие. Владивосток, 1998. С. 184—185.
- ³² ГАПК. Ф.П. 61. Оп. 1. Д. 261. Л. 48—49.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 36. Л. 165.
- ³⁵ ГАПК. Ф.П. 67. Оп. 1. Д. 213. Л. 197.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 52. Д. 67. Л. 107.
- ³⁷ Стат. бюл.: Дальневост. краевое стат. управление. С. 26.

SUMMARY. «Criminality in the Far East» — is the title of the article by Candidate of Historical Sciences Nataly Shabelnikova, in which she shows the character and peculiarities of criminality in the Far East in 1922—1930. The author connected this phenomenon with economical and political situation in the region after World War I and Civil war that greatly injured its economy. Regional peculiarities of the Far East created conditions for increasing some kinds of crimes that were characteristic for this region only.